Николай Горнов

Год Обезьяны

Николай Викторович Горнов

Год Обезьяны

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=603035

Аннотация

«…Игорь вытащил из шкафа пачку сигарет, приоткрыл форточку и не спеша закурил. Тимофеев, конечно, придурок. Но если математики смогли доказать возможность путешествия во времени, то почему бы Тимофееву не доказать математическими методами существование какого-то несчастного кристалла, который упал из космоса?

– И где же этот твой Храм Ханумана? – поинтересовался Игорь.

– На дне Шайтан-озера, – округлив глаза, прошептал Тимофеев. – Забавно?

– Забавно, – согласился Игорь. – Так глупо, что даже верится. И глубоко?

– По моим расчетам, Храм нужно искать в северной части озера. Там, где глубина достигает девяноста метров.

– В общем, достать кристалл нет никакой возможности. Я правильно догадался?

– Нет, возможность есть, – не согласился Тимофеев. – И я знаю такого человека, который сможет это сделать. …»

Содержание

1. 4
2. 7
3. 9
4. 12
5. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Николай Викторович Горнов
Год Обезьяны

Тиха река, и вянет цвет – в них силы нет уже.
С восточным ветром расстаюсь
на чужедальнем рубеже.
Отсюда бабочкой во сне за много ли домой лечу;
Кукушкой, плачущей в ночи, под лунным светом стать хочу.
Уж больше года от семьи я не имел вестей.
Весна торопит – на висках цвет седины еще белей.
Домой вернуться был бы рад, но не могу понять:
Среди красот пяти озер, ну с кем мне было воевать?

Цуй Ту

1.

О существовании морга в районном центре Муромцево не знал, похоже, никто. Игорь почти отчаялся. Три часа заняла у него дорога из города, и еще почти час крутился он по пустым улицам поселка. Его дряхлые «Жигули» шестой модели кряхтели и постанывали. Давно им не приходилось прыгать по таким ухабам. Игорь притормозил и подождал, пока очередной прохожий сравняется с его машиной.

– Извините, не подскажете дорогу к моргу. Мен на опознание нужно попасть, – неожиданно для себя признался он.

– Да, дело не простое вам предстоит. – Высокий мужчина в темном шерстяном пиджаке аккуратно снял с головы летнюю шляпу в сеточку, покрутил ее в руках и спрятал за спину. – Морг тут недалеко. Он при больнице. А я там буду главный врач. Только вам не в морг нужно. Вам в райотдел милиции. Опознание положено проводить вместе с их сотрудником.

Игорь облегченно выдохнул. Мимо райотдела он проезжал дважды.

Впрочем, обрадовался он рано. В милиции пришлось еще заполнять какие-то бланки, написать пару заявлений, а трясущимися от волнения руками сделать это было не так-то просто.

– Вы кто будете пострадавшему? – равнодушно поинтересовался милицейский сержант, пока седой санитар боролся с висячим замком на двери неприметного строения без окон, затерявшегося в дальнем углу больничной территории.

– Друг, – коротко ответил Игорь.

– А родственников у него нет? Или как?

– Есть родственники, – устало сказал Игорь. За последний час он произносил эту фразу в шестой раз. – У пострадавшего есть мать и бывшая жена. Но они не смогут приехать. Поэтому выдали мне доверенность на участие в опознании…

Игорь почувствовал, что не может больше ни говорить, ни дышать. Он закашлялся и опустился на облупившуюся скамейку у входа в морг. Привычно наклонил голову к коленям, он подавил приступ паники и попытался осторожно втянуть ртом воздух. С недавних пор к нему опять вернулись приступы удушья. Врач, как обычно, посоветовал вести размеренный образ жизни: не волноваться, поменьше работать, больше гулять на свежем воздухе и регулярно принимать витаминные комплексы.

– Вам плохо? – забеспокоился санитар. – Я сейчас нашатырь принесу.

– Нет, нет, не надо, все в порядке! Сейчас все само пройдет, – успокоил Игорь.

Санитар пожал плечами, распахнул дверь и нащупал рукой включатель. С легким потрескиванием в глубине морга ожили ртутные лампы. Игорь переступил порог и поморщился от острого запаха формалина. Внутри было сыро и зябко…

На опознание хватило и пары секунд.

– Это не он, – твердо сказал Игорь. – Не Тимофеев.

– Вы уверены? – В голосе сержанта послышалось замешательство. – Смотрите внимательней. Тело довольно долго пролежало в воде. Патологоанатом считает, что не меньше двух недель. Иногда, знаете, утопленников очень трудно опознать. Даже ближайшие родственники путаются. Может, у вашего Тимофеева какие-то особые приметы имеются?

– У Тимофеева имеется большое родимое пятно на левом предплечье. Я его не наблюдаю в данный момент. – Игорь подобрался и неожиданно для себя перешел на казенный слог. – Рост у Тимофеева – один метр шестьдесят пять сантиметров. И вес он никогда не набирал больше 60 килограммов. А этот мужчина, как я вижу, был при жизни весьма крупным. Рост у него не меньше двух метров. Извините. Но это точно не Тимофеев. С чего вы вообще взяли, что это он?

– Странно, очень странно, – пробормотал сержант. – В карманах покойного были обнаружены документы – служебное удостоверение и любительские права на управление автомобилем. Они хорошо сохранились. И все выписаны на имя Сергея Викторовича Тимофеева, 1970 года рождения.

– Этот человек никак не может быть Тимофеевым, – упрямо повторил Игорь. – У Тимофеева, кстати, и прав-то никогда не было. Он вообще автомобилей боялся. Ни разу в жизни за руль не садился.

Игорь решительно развернулся и направился к выходу.

– Только не уходите далеко, – бросил вдогонку сержант. – Вам еще в протоколе следует расписаться.

– Скажите, а этого… не в Шайтан-озере нашли? – поинтересовался Игорь уже от дверей.

– В нем, проклятом, будь оно трижды неладно! – пробормотал сержант. – Едут и едут, будто им там медом намазано. А нам опознавай их потом…

Игорь попытался прикурить сигарету, но после двух затяжек его опять стал душить кашель, и сигарета полетела в урну. Вытащив из кармана мобильник, он убедился, что контакт с сотой есть и со вздохом набрал номер. Через двадцать секунд пошел длинный гудок.

– Элла Юрьевна, это я. Да, да, Шадрин. Милиция ошиблась. Как я вам и говорил. Вы не волнуйтесь, я вернусь и все расскажу подробнее. До свидания. Извините, я вас плохо слышу, связь очень плохая…

Игорь быстро нажал «отбой». Надежды, что Тимофеева найдут, давно нет. Рано или поздно, но ему придется рассказать матери Тимофеева правду. Собраться с духом и рассказать все. Впрочем, нет. Про народ обезьян пожилой женщине рассказывать, пожалуй, не обязательно. Об этом лучше не рассказывать никому. В лучшем случае, закроют в психушку…

Когда Игорь вернулся к машине двигатель «шестерки» даже остыть не успел, но все равно заработал неуверенно. С полминуты движок вяло тарахтел на холостых оборотах, потом несколько раз протяжно чихнул и заглох. Деревянную фигурку обезьянки на ветровом стекле качнуло ветром. Игорю показалось, что обезьянка ему подмигнула.

– И ничего веселого я не вижу! – вспылил Игорь. – Зачем было человека в озере топить? Это что, шутки такие?!

Обезьянка снова чуть покачнулась. Игорь сорвал присоску с лобового стекла и вышвырнул деревянную фигурку в открытое окно. Она пролетела несколько метров, скатилась с обочины и упала в жидкую грязь. После дождя дорога еще не до конца просохла. Правда, дожди прошли какой-то полосой. И зацепились только здесь – на севере области.

В Омске было по-прежнему жарко. Столбик термометра третью неделю не опускался ниже тридцати градусов. Такая же безумная жара, как вспомнил Игорь, стояла и тогда – пять лет назад…

2.

Дежурный лейтенант неторопливо развернул носовой платок, промокнул крупные капли пота и только после этого взял в руки паспорт Тимофеева. Заметив вложенную под обложку тысячную купюру, перевел мутный взгляд на Игоря.

– Не понял? – с ленивой угрозой произнес страж порядка. – Как фамилия?

– Моя фамилия Шадрин, – спокойно ответил Игорь. – А это паспорт гражданина Российской Федерации Тимофеева Сергея Викторовича. Сегодня в три часа ночи он был задержан нарядом патрульно-постовой службы на проспекте Мира и доставлен в ваше отделение до выяснения личности…

– И чё? – Лейтенант размял рукой шею.

– Если это паспорт Тимофеева, то личность его уже установлена, – пояснил Игорь. Он хорошо знал, что в общении с сотрудниками правоохранительных органов необходимо сохранять уверенность в себе и произносить слова доброжелательным тоном. Большинство милиционеров обидчивы как дети и чувствительны даже к малейшим изменениям тембра голоса.

Лейтенант несколько минут молчал, наморщив лоб, и все его раздумья легко читались на лице. Задержанный Тимофеев документов при себе не имел, но был трезв, общественного порядка, судя по всему, не нарушал, наркотиков и оружия при нем не обнаружено. За каким чертом его зацепил патруль – непонятно. Протокол ночью составить поленились, так что дежурный ничем не рисковал, отпустив Тимофеева на все четыре стороны. И ничего при этом не терял. Зато приобретал вполне конкретную сумму – тысячу рублей.

– Командир, я жду, – напомнил о себе Игорь.

– Ладно, забирай своего подельника, – буркнул лейтенант. – Ващенко, приведи. И пусть не попадается больше.

Прыщавый Ващенко с неохотой оторвался от телевизора.

– Кого привести?

– Ващенко, ты что, оглох? Этого приведи, который Тимофеев. – Лейтенант и выразительно покрутил пальцем у виска. – Оформлять его будем на выписку!

После ночи проведенной в «обезьяннике» Тимофеев был не в духе. Он взял у лейтенанта свой паспорт, сунул его в карман рубашки и, не проронив ни слова, прошагал два квартала. Взгляд Тимофеева нервно блуждал по незагорелым ногам сибирских девушек, потом уперся в рекламный щит мобильных компьютеров и на нем застыл.

– Черт, вспомнил, меня же с работы выгнали!

– Давно? – рассеянно поинтересовался Игорь.

– Вчера. Или позавчера. Точно не помню. Вот ты скажи, Игорек, разве это справедливо? Короче, спасибо тебе, что из ментовки вытащил. Не поверишь, прицепились прошлой ночью, как… ну, в общем, понятно. А вообще ведь ничего не сделал. Шел себе спокойно…

– А какого хрена тебе вообще понадобилось на проспекте Мира в три часа ночи? – взорвался Игорь. – Мало того, что мне пришлось с самого утра бежать в отделение, так я еще отдал за твое освобождение последнюю штуку, которую никогда назад не получу, поскольку тебя в очередной раз уволили с работы!

– Если у тебя есть немного времени, я попытаюсь все объяснить…

– Поздно, – отрезал Игорь. Он не выспался и был не в духе. Тимофеев, конечно, друг, но терпеть его становилось с каждым годом все труднее. Только неделею назад он пристроил его разнорабочим в дом-музей Достоевского. Не самая, конечно, престижная должность, зато забот никаких. Зарплата – четыре с половиной тысячи. Чтобы даже с такой работы уволили, нужно обладать поистине выдающимися способностями…

Пару минут они шагали молча.

– Нет, я не понимаю, – не выдержал долгой паузы Тимофеев. – И что я сделал-то? Подумаешь, поджег мусор в бачке. И за это она на меня целых полчаса орала. Дура конченая, короче. Я и сам знаю, что это музей. Так и что? Теперь и мусор убирать не нужно? А если его уже целую неделю не вывозили. У этих коммунальщиков то машина сломается, то бензин кончится. Вот я и не выдержал – сжег мусор к чертям собачьим. Воняло, конечно, знатно, врать не буду. Или ты тоже считаешь, что сжигание мусора во дворе музея – это достаточный повод для увольнения?

– Я вообще ничего не считаю. Мне глубоко наплевать и на коммунальщиков, и на мусор, и на музей, и на самого Достоевского. Я хочу сейчас узнать только одно: когда ты начнешь возвращать мне долги? За два последних месяца я выкупаю тебя из милиции уже в третий раз. Не слишком круто?

– Уже третий, да. – Тимофеев вздохнул. – И все-таки, как мне кажется, тысяча рублей для этих гнид – многовато. Кстати, куда мы направляемся?

– Лично я направляюсь на работу – в редакцию. А ты можешь катиться в любую сторону.

– А если я захочу катиться в редакцию? – осторожно поинтересовался Тимофеев.

– Это исключено, – отрезал Игорь. – У нашего редактора с тобой полная несовместимость…

Каждое посещение Тимофеевым еженедельной газеты «Свежие новости», где Игорь числился штатным корреспондентом, завершалось скандалом. В последний раз, когда Тимофеева пришлось выдворять при помощи службы безопасности издательского дома «КвадратЪ», главный вызвал Игоря к себе в кабинет и, брызгая слюной, недвусмысленно дал понять: если, мол, еще раз он будет иметь удовольствие от лицезрения Тимофеева, то с работой Игорю придется попрощаться. А терять работу Игорь не хотел…

– Я же не виноват, что ваш редактор тупой осел, который путает Платона с Плутархом. Ты только не сердись. А я тебе подкину интересную тему.

– Свою тему ты можешь свернуть в трубочку и засунуть в известное тебе место, – отмахнулся Игорь. Если дать слабину хоть на секунду, Тимофеев так и будет ходить за ним, как привязанный, до самого вечера.

– А можно мне у тебя переночевать? Только одну ночь, клянусь. Устал, как собака. Хоть высплюсь, как следует. На вокзале постоянные облавы. Если билета нет, сразу на улицу гонят. Уже вторую неделю на скамейке в парке кантуюсь…

Игорь внимательно оглядел приятеля. Его видавшие виды синие джинсы явно требовали стирки. О рубашке вообще говорить не приходилось.

– Ты что, опять из дома ушел?

– Ну, в общем, да… – Тимофеев улыбнулся, пряча взгляд. – Теперь уже окончательно…

– Слушай, главное – без паники. Катя – замечательная женщина. Я понимаю, погорячились, с кем не бывает. Но все утрясется. Я тебе обещаю.

– Не утрясется. Катя – замечательная сука. Мы пять лет вместе прожили, а она как была сукой, так и осталась. Переночевать-то пустишь?

– Конечно. Подбегай вечерком. Лады?

Игорь как-то излишне суетливо пожал приятелю руку и быстро сбежал по лестнице под мост. Но у светофора на перекрестке он не выдержал и все же обернулся. Тимофеев так и остался стоять на обочине дороги. Подняв голову, он задумчиво разглядывал небо. Игорь чертыхнулся и прибавил шагу, стараясь не концентрироваться на неприятностях Тимофеева. У него и своих неприятностей хватало. Понедельник только начинался…

3.

В прокуратуре Октябрьского округа Игорь Шадрин был гостем частым и желанным, поскольку премии прокурорских работников давно и напрямую зависели от прессы. Написали про тебя в газете – иди в кассу за квартальной премией. Не прозвучала твоя фамилия ни разу за три месяца – на премию можешь не рассчитывать. Какому московскому чину пришла в голову эта волшебная формула – Игорю было не ведомо. Но о том, что журналистов, регулярно и много пишущих на криминальные темы, в прокуратурах ценили на вес золота, берегли и передавали друг другу по наследству – он знал прекрасно.

– О, привет! – обрадовался Игорю старший следователь Семенов. – Я вчера такое дельце в суд отправил – закачаешься!

– Володя, дорогой мой, у меня сегодня совсем нет времени, – взмолился Игорь. – Клянусь, я к тебе скоро загляну.

– Очень жаль! – расстроился Семенов. От огорчения он ссутулился еще больше, поправил на носу роговые очки с большими диоптриями и скрылся за дверью своего кабинета. Игорь с тоской посмотрел на часы. Обижать Семенова он не хотел, но и пропустить встречу с новым помощником прокурора округа он тоже не мог. Ему нравилась эта обаятельная молодая женщина по имени Елена, которая в прошлом году окончила юрфак университета и еще не разучилась смущаться. Игорь заметался по коридору, выбирая между работой и удовольствием. Победила работа. Он зашел к Семенову.

Через полчаса он уже выскакивал из здания прокуратуры с почти готовой статьей. Сбоку от него бодро трусил следователь.

– Значит, не возьмешь старушку? – уточнял на ходу Семенов. – Такое дельце – закачаешься. Несколько месяцев пролежала на балконе в трех пакетах из ИКЕИ. У меня и фотографии есть. Оперативная съемка. Крупные планы. Могу взять на время из дела.

– Извини, Володя, даже не проси – не возьму, – отбивался Игорь. – Старушку завалил родной племянник за сто рублей. Даже не смешно. Это же хрестоматия по великой русской литературе. К тому же на расчленёнку сейчас спроса нет.

Семенов отстал на углу здания районного суда, а Игорь, не снижая темпа, вывернул на улицу Богдана Хмельницкого, догнал автобус и в последнюю секунду успел заскочить на ступеньку. Горячая информация требовала срочного выхода. В голове у Игоря уже жили две подружки – Света и Таня. Обеим нет еще и 18. Светина мама ушла к другому мужчине (в соседний подъезд), поэтому Света жила одна. А Таня снимала квартиру, поскольку родители ее вообще жили далеко. Время они проводили вместе. Веселились от души. Немного мешала им только полиция нравов, которая постоянно отлавливала и привлекала двух подруг к административной ответственности за занятие проституцией.

Еще в квартире у Светы жил ее племянник Вадим, который приехал погостить из деревни и задержался на все лето. Из-за этого Вадима, собственно, и пошел сыр-бор. Он приглянулся соседу – дяде Мише, у которого на память от многочисленных ходок в зону осталась любовь к особям мужского пола. И вот однажды, после очередной дружеской попойки в соседском кругу, мама Светы проснулась ночью в похмельном состоянии, и показалось ей в темноте, что дядя Миша покушается на невинность Вадима. Мама рассказала о своих подозрениях дочери, та рассказала подруге Татьяне, и подруги немедленно направились к соседу. Никаких его объяснений они слушать не стали, схватили чайник и угостили дядю Мишу несколькими ударами по голове. Дядя Миша рухнул на пол и взмолился о пощаде. Но эти мольбы только раззадорили подруг. Ближе к вечеру в гости к дяде Мише они пригласили приятелей, которые прихватили с собой пару бутылок водки. Что было дальше – не

помнит никто. Известно только, что труп дяди Миши обнаружила рано утром соседка. Когда девушки проснулись, их уже ждали сотрудники милиции…

– Реальная тема, – довольно кивнул Игорю главный. – Заголовок дадим такой: «Две проститутки насмерть запинали педофила». Срочно сделай сто двадцать строк для второй полосы. Поставим в текущий номер…

Текст Игорь набросал за пару часов. Потом на творческом подъеме сделал еще несколько дел, которые откладывал уже неделю. Закончил рекламный материал про китайские таблетки для худеющих, напомнил коллеге про долг. И даже в мэрию успел заскочить, где очередной вновь назначенный городской чиновник пояснял, как он будет реформировать работу вверенного ему участка. Кондиционер в зале заседаний едва справлялся с жарой, и по лысине чиновника катились крупные капли пота…

О Тимофееве Игорь вспомнил только через неделю. Когда наткнулся на него у своего дома. Тимофеев сидел на лавочке перед детской площадкой и пребывал в глубокой задумчивости. Пребывал, судя по всему, давно. У Игоря даже мелькнула шальная мысль: а не проскользнуть ли незаметно мимо?

– О, привет, – встрепенулся Тимофеев, заметив Игоря. – А я с самого утра ничего не ел. В обед только булочку с маком сжевал всухомятку.

Ну, тогда заходи в гости, – неохотно сказал Игорь. – Тебе повезло. Мои родители благополучно отбыли на дачу. Их не будет несколько дней, так что можешь располагаться со всеми удобствами. Жаль только хлеба мало. Забыл купить по дороге. Зато есть сухари. Ты любишь борщ с сухарями, Тимофеев?

Тимофеев радостно закивал. Дважды приглашать его не требовалось. Через час, выхлебав три тарелки борща, он прикончил недельный запас белых сухарей. Потом подобрался и к черным. Хотя они оказались такими твердыми, что раскусить их было практически невозможно, но Тимофеев и тут сориентировался – стал размачивать сухари в чае…

Шадрин и Тимофеев были настолько не похожи друг не друга, насколько это вообще возможно. Игоря всегда отличала устойчивость темперамента, а таких, как Тимофеев, принято было называть холериками. Ко всему прочему, природа наградила Тимофеева рыжими волосами и обилием веснушек. Его спасали только незаурядные способности к точным наукам. Даже преподаватели математики в институте предпочитали не ввязываться с ним в дискуссии и сразу ставили отличные оценки. Игорь был намного сильнее физически, но в познании наук от Тимофеева заметно отставал, и часто прибегал во время учебы в школе к помощи товарища. А Тимофеева одноклассники старались лишний раз не цеплять, помня о крепких кулаках Игоря Шадрина.

Так они и проучились десять лет в одном классе. И еще потом пять лет протирали штаны в одних и тех же аудиториях политехнического института. Почему Игорь решил стать специалистом в области обработки металлов давлением – загадка. Видимо, не захотел в армию, а на мехфаке в то время давали отсрочку. К тому же, на этот факультет принимали всех, кто сдавал экзамены хотя бы на тройки. Тимофеев явно пошел в политех по примеру Игоря, зато успел жениться первым, несмотря на свою неказистую внешность и невысокий рост. Вернее сказать, подженироваться. С первой своей женой он до ЗАГСа так и не дошел. Неофициальная жена Тимофеева работала инженером-технологом пищевого производства, была лет на семь его старше и имела уже вполне приличный однокомнатный кооператив, из которого Тимофеев и вылетел в итоге, получив коленом под зад после трех лет, прожитых в счастливом гражданском браке. Пристроившись ассистентом на кафедру металлообработки, Тимофеев потихоньку сдал кандидатский минимум и был зачислен в аспирантуру. Сначала в заочную, а потом и в очную, где после тридцатой страницы диссертации резко потерял интерес к научной работе и несколько лет морочил голову своему научному руководителю, пока его со скандалом не изгнали из института.

Игорь женился спустя год после Тимофеева на высокой и красивой девушке по имени Мария. По любви, естественно. А время тогда уже наступило смутное – капиталистическое, поэтому инженером на военном заводе ему пришлось проработать не долго. Приватизация развалила завод в рекордные сроки. Да еще с таким успехом, который был не под силу никакому идеологическому противнику Советского Союза времен холодной войны. Пришлось Игорю искать работу в частных структурах. Сначала он пристроился менеджером в небольшую фирму, где работал его двоюродный брат, потом перешел в другую фирму, но и там долго не задержался. Денег он домой приносил все меньше, и семейная жизнь пошла, соответственно, под откос. Вскоре Маша с шумом и скандалом ушла к маме и больше уже не возвращалась. Детей у них с Игорем не было. Сначала не хотели оба, потом не хотела Маша, а потом и хотели вроде бы, делая вялые попытки, но никакого зачатия в результате этих попыток так и не произошло. Игорь очень тяжело переживал развод, и даже на что-то продолжал надеяться, но Маша примирения не искала, а вскоре вышла замуж повторно.

У Тимофеева в это время жизнь была в порядке. Он женился на Кате – миловидной молодой аспирантке с соседней кафедры. У них родился сын Валерка – такой же рыжий, как и его папа. Правда, в заботах о потомстве Тимофеев не забывал и про друга, и даже старался его поддержать, как мог. Тимофеев первым заметил, что после развода и длительного запоя Игорь неожиданно стал связно излагать свои мысли на бумаге. По совету Тимофеева Игорь пристроился внештатным корреспондентом в «Сибирский путь» – газету местных коммунистов. Там ему платили редко и мало, зато он получил возможность «расписаться». Через год Игоря уже охотно взяли на штатную должность корреспондента в городском таблоиде…

– А ты почему не ешь? – встрепенулся Тимофеев. – Такие сухари вкусные, а ты не ешь!

– Спасибо, я сыт. А ты продолжай, не стесняйся. Матушка еще насушит сухарей.

– Валентина Николаевна – просто золото, – вздохнул Тимофеев. – Готовит очень вкусно. А борщ остался? Ты не подумай, я просто так интересуюсь. В смысле – на завтра.

– Остался, не волнуйся. Она если варит, то сразу много…

Отношения Игоря с родителями в последнее время опять усложнились. Когда он вернулся в родительский дом после развода, то с удивлением понял, что в родное гнездо, как и в реку, нельзя войти дважды. Либо никогда не улетай, либо – никогда не возвращайся.

– Что, проблемы с родителями? – осторожно поинтересовался Тимофеев.

– Не то слово. Можешь, кстати, не радоваться. На прошлой неделе мне твоя мама звонила, – усмехнулся Игорь. – Жаловалась на тебя…

Тимофеев сник и попытался сменить тему.

– А я через два дня покидаю этот гостеприимный городок.

– В каком, интересно знать, направлении?

– В Окунево. Поедешь со мной?

– В Окунево? – Игорь криво усмехнулся. – Это не та ли деревенька, где у всех жителей аномалии?

– Темный ты человек, Игорек! – Тимофеев демонстративно вздохнул. А еще журналист! Помнишь, я тебе про интересную тему говорил?

Игорь пожал плечами и улыбнулся.

– Секундочку! – Тимофеев вышел в коридор, долго шарахался в темноте, скрипя дверцами шкафа, а когда вернулся, то протянул Игорю засаленную канцелярскую папку. – Можешь не верить, но это реальная сенсация. Тебе первому рассказываю. Как другу и талантливому журналисту.

– Ладно, – неохотно согласился Игорь. – Давай свою сенсацию. Но как-то мне с трудом верится, что именно в этой папке я найду пальмы, девушек, синее море, белый пароход, целые носки и мало поношенный смокинг…

4.

На окраине села со странным названием Инцисс от удушающей жары не было спасения нигде. Машина Игоря раскалилась так, что хоть яичницу на крыше жарь. Игоря это раздражало. Зато Тимофеев оставался невозмутим. Он спокойно дремал на заднем сиденье, словно и не было никакой жары. Только отмахивался сквозь сон от назойливых жирных мух.

Походив кругами, Игорь попытался спрятаться в тени машины. Но солнце стояло слишком высоко. Тень была слабой и короткой, и Игорь только джинсы перемазал в красной пыли.

– Сейчас он приедет, не волнуйся – заверил приятеля Тимофеев, приоткрыв один глаз.

– Сережа, а ты точно ничего не напутал? – поинтересовался Игорь с улыбкой, не обещающей ничего хорошего. – Нет ли здесь, случайно, другой дороги? А если он вообще передумал нырять в это твое Шайтан-озеро? Ты расскажи мне все, не стесняйся. Я тебя не больно убивать буду.

– Не паникуй, – пробормотал Тимофеев. – Даже если наступит конец света, то Катран от своих планов не отступится. Он – настоящий полковник.

– Хотелось бы верить, – проворчал Игорь. – А то с машины уже краска стекает. Сколько отсюда до озера?

– Если напрямик, то меньше пяти километров. Если идти вдоль речки Шайтанки, то чуть дальше получится – километров восемь. Если на машине, то километров пятнадцать. Но если пешком, то лучше вдоль Шайтанки. Местные говорят, что в лесу можно запросто промахнуться. И будешь потом петлять до самого Китлинского болота.

– Знал бы, что так долго ждать придется, уже сходил бы к озеру. Хоть разок бы окунулся.

– Не советую. – Тимофеев протяжно зевнул. – Ты же плаваешь, как топор. А по Шайтан-озеру, между прочим, самая неблагоприятная статистика во всем районе. За год в этом озере как минимум пятерых утопленников вылавливают.

– Убедил, – проворчал Игорь и сплюнул на раскаленный щебень. Слюна мгновенно испарилась…

Муромцевский район превратился в аномальную зону после того, как одному городскому чудику по фамилии Печкин стало скучно жить без чуда. В середине 90-х Печкин развил кипучую просветительскую деятельность, собрал вокруг себя таких же чудиков, и стал регулярно наведываться в село Окунево, приставать с расспросами к местным жителям, а потом писал статьи про «окуневский феномен» во все газеты и журналы, которые не брезговали публиковать его бред. Писал Печкин о существовании пяти загадочных озер с целебной водой, которые располагаются на равном расстоянии друг от друга и появились 300 000 лет назад в результате падения на Землю осколков большого метеорита. Эти пять озер связаны, якобы, энергетически каналом, который тянется от пяти озер к шестому водоему, вода в котором «злая». А заканчивается этот энергетический канал в неком древнем Храме, который построили на территории Западной Сибири еще древние арии в честь царя обезьян Ханумана. В этом храме хранится, якобы, мыслящий кристалл, попавший на Землю из космоса. И все это – Храм, озера и кристалл – звенья одной цепи. А кто ее «соберет», тот получит лекарство от смертельного вируса, который объявится на Земле через 66 лет и начнет распространяться из Китая и Средней Азии, поставив все человечество на грань выживания.

Понятно, что желающих найти озера, кристалл и Храм было много. Но и озер в Муромцевском районе тоже хватало. Сам Печкин уверял, что нашел только четыре: Данилово, Линево, Щучье и Урманное. Но герой не терял надежды найти и пятое. И всем рассказывал про некое озеро Потаенное, которое обнаружил некий лесник в недрах обширного Китлин-

ского болота. Игорь и сам был не без греха. Тоже сочинил в разное время десяток статей про чудодейственные озера, но лично в эти краях ему еще ни разу бывать не доводилось. И не поехал бы он никогда. Но поддался зачем-то на уговоры Тимофеева, которому срочно понадобилась машина. У Игоря машина была – подержанная «шестерка».

– Понимаешь, у меня есть собственная теория, – убеждал его три дня назад Тимофеев. – Это пусть литераторы скитаются по лесам и болотам, сочиняя сказки для подрастающих эзотериков, а мы с тобой инженеры, поэтому должны работать исключительно мозгом. В общем, я тут посидел на досуге и кое-что набросал…

Тимофеев гордо раскрыл перед Игорем потрепанную общую тетрадь, исписанную плотными рядами математических символов. Игорь встрепенулся. Математические уравнения всегда вызывали у него чувство сравнимое с ужасом пещерных людей перед непознаваемыми силами природы. Их смысл, как и большинство людей, он успел забыть, но еще помнил, что возможности их велики. Важно было только правильно расставить знаки на бумаге. А Тимофеев, по мнению Игоря, в былые годы обладал таким навыком в совершенстве.

– Так, а теперь объясни своими словами, что это за высшая математика, – проворчал Игорь.

– Вообще-то это квантовая механика, – гордо уточнил Тимофеев. – Первое уравнение отражает состояние физической системы с непостоянным числом элементов, то есть, такой системы, число элементов в которой меняется во время происходящих в системе процессов. Свойства этих процессов я отразил с помощью статистического метода, который называется соотношением неопределенностей Гейзенберга. Это сложная штука, тебе ее точно не понять. Но второе уравнение намного проще. Оно служит для определения возможных значений энергии системы. После двойного интегрирования я получил уравнение, которое совпадает с уравнением Шредингера. Это говорит о том, что дискретный спектр энергии в зоне села Окунево имеет место только для связанных систем, когда вероятность бесконечно большого значения координаты равна нулю. Это означает, как мы видим, что волновая функция может быть либо симметричной, либо…

– Стоп! – не выдержал Игорь. – Ты можешь объяснить мне так, чтобы стало понятно даже тем, кто учился на тракториста?

– Попытаюсь, – согласился Тимофеев, надувая щеки. – Короче, пацаны, расклад такой. Чисто по формуле определяемся с опорой на пять точек. За базар отвечаю, кристалл – не выдумка. В энергетической системе пяти озер он функционирует как спин. Ой, извини, я опять увлекся!

Игорь вытащил из шкафа пачку сигарет, приоткрыл форточку и не спеша закурил. Тимофеев, конечно, придурок. Но если математики смогли доказать возможность путешествия во времени, то почему бы Тимофееву не доказать математическими методами существование какого-то несчастного кристалла, который упал из космоса?

– И где же этот твой Храм Ханумана? – поинтересовался Игорь.

– На дне Шайтан-озера, – округлив глаза, прошептал Тимофеев. – Забавно?

– Забавно, – согласился Игорь. – Так глупо, что даже верится. И глубоко?

– По моим расчетам, Храм нужно искать в северной части озера. Там, где глубина достигает девяноста метров.

– В общем, достать кристалл нет никакой возможности. Я правильно догадался?

– Нет, возможность есть, – не согласился Тимофеев. – И я знаю такого человека, который сможет это сделать. Зовут его Катран. И как раз на днях он собирается понырять в Шайтан-озере с аквалангом. Я приглашаю тебя стать участником этого исторического события. Как друга, заметь, приглашаю. Любой хороший журналист на твоем месте отдал бы за это левую руку. Или глаз. Даже не задумываясь…

Игорь согласился. А теперь он стоял на окраине какого-то забытого богом села и ждал этого Катрана уже пятый час.

– Едет! – Тимофеев пихнул Игоря в бок. – Сознавайся, еще немного и ты бы меня точно убил.

Игорь посмотрел на дорогу и тоже заметил столб пыли, который приближался со стороны деревни. Через пару минут стало заметно, что пыль подняла автоколонна. В приземистой головной машине даже с такого расстояния угадывался популярный в сухопутных частях американской армии автомобиль «Хаммер», за которым в некотором отдалении пылил устрашающе огромный «Шевроле». Замыкал колонну четырехосный грузовичок «Мерседес».

– Впечатляет! – Игорь присвистнул. – Тимофеев, твой Катран – не в авторитете, случаем?

– Не думаю. Он капитан первого ранга в отставке. Бывший боевой пловец. Вьетнам, Ангола, Конго, Йемен, Джибути, Сьерра-Леоне, Сомали, Филиппины. Ты про остров Майский в Черном море слышал что-нибудь? Вот там он и служил десять лет перед отставкой. А потом вернулся домой – в Омск. Сейчас каким-то бизнесом занимается. Фамилия его, кстати, Жуков.

– Лично я в нашем городе знаю только одного Жукова, который может позволить себе такой автопарк – председателя совета директоров акционерного общества «Ароматические углеводороды». Нет, я просто торчу от твоей наглости, Тимофеев! Ты хоть понимаешь, что это за человек? Ну, ладно, потом поговорим. А пока встречай дорогих гостей…

Из «Хаммера» выпрыгнул поджарый господин в голубых джинсах и дорогой льняной рубашке навыпуск, сдвинул солнцезащитные очки на седой ежик волос, широко улыбнулся и протянул руку Тимофееву.

– Сережа, детка, ты прости нас за задержку. Как назло, все дела и дела. А кто это с тобой?

Тимофеев с достоинством пожал протянутую руку и торжественно объявил:

– Познакомьтесь, Семен Семенович. Это мой лучший друг и лучший журналист нашего города – Игорь Шадрин. Корреспондент газеты «Свежие новости».

Игорь заметил цепкий взгляд, который Жуков украдкой бросил в его сторону, и с досадой подумал, что Тимофеев напрасно рассказал про газету. Игорь знал, что Жуков недолюбливает газетчиков. И еще он знал, что Семен Семенович, не смотря на относительно скромную должность председателя совета директоров, был фактически единоличным владельцем «Ароматики». Практически всю продукцию завод поставлял на экспорт, его подставные акционеры окопались в оффшорах, а личные счета Жукова трещали от миллионов евро и долларов…

– Пора, думаю, в путь, – объявил Жуков. А с моей небольшой командой вы познакомитесь уже на месте. Показывай, Сережа, куда ехать. Мы двинемся за вашей машиной.

5.

Просека была даже в лучшем состоянии, чем ожидал Игорь. Хотя корни сосен не давали разогнаться, зато опавшая хвоя и мелкие ветви были так плотно укатаны, что по твердости колея не уступала хорошему покрытию. А вот Шайтан-озеро Игоря разочаровало. Он представлял его себе несколько иначе. Оказалось, что это банальная круглая плошка двухкилометрового диаметра с мутной зеленоватой водой. Южная часть озера подступала вплотную к сосновому бору. От северной части до леса было метров триста. Берег весь зарос камышом, а почва буквально гуляла под ногами. В общем, болото. Последние метры Игорь даже не пытался проехать на своей «шестерке». Его машину взял на буксир «Шевроле», в котором приехали два брата-близнеца.

Братья работали инструкторами в элитном дайвинг-клубе, были молоды, веселы и улыбчивы. Одного родители назвали Вячеславом, другого Станиславом, но оба они представлялись Славами. Чуть позже Игорь узнал, что Катран, когда бывал в хорошем настроении, называл их Чуком и Геком. А когда пребывал в дурном расположении духа, то пренебрежительно именовал дайверами. За глаза оба Славы тоже подшучивали над своим строгим командиром, но беспрекословно подчинялись ему во всем, что касалось погружений. Опыта Катрана хватало на десятерых.

Еще с Катраном был его персональный механик – мичман военно-морского флота в отставке, бывший подводник Борис Андреевич Крюк. Очень серьезный и молчаливый человек. Держался на втором плане, ни на что не отвлекался и занимался только своей работой – техническим обслуживанием многочисленного оборудования и его подготовкой. Он же, как правило, управлял грузовиком, когда команда Катрана выезжала на погружения. А в том, что это была действительно команда, Игорь убедился быстро. Как только заглохли двигатели машин, все быстро переоделись в рабочие синие комбинезоны с желтой эмблемой клуба «Scuba Diver» и за пять минут растянули армейскую десятиместную палатку. Как будто сдавали норматив. Потом уже каждый занялся уже своим делом. Пока Борис Андреевич с первым Славой выгружали оборудование, второй Слава собирал плот и помогал Катрану спускать на воду легкий моторный катер, который они выгрузили из «Мерседеса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.